

В. В. Кривошеев

**ОРГАНИЗОВАННАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ:
ПАРАДОКС ИНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ****Часть первая**

86

Цель исследования заключается в том, чтобы показать место и роль организованной преступности в жизни России на протяжении значительного периода в XX в., а также трансформацию этой формы криминальной активности. В первой части публикации анализируются процессы становления и развития своеобразной формы организованной преступности, свойственной советскому типу общества. Показывается, что организованная преступность, наследуя прежние организационные формы, приобретала новые черты, которые отражали специфику нового социального и экономического уклада. Раскрываются особенности организованной преступности на разных этапах функционирования советского общества. Демонстрируется, что в период новой экономической политики появились новые формы организованной криминальной активности, свойственной именно советскому времени. Отмечается также, что уже в этот период можно зафиксировать определенное взаимодействие отдельных представителей органов власти, в частности контрольных органов, с представителями так называемой новой буржуазии. Это осуществлялось, естественно, не на безвозмездной основе, что показывает зарождение специфического феномена советской коррупции. Отмечается, что даже достаточно жесткий политический и правовой режим, который ассоциируется с режимом сталинизма, не преодолел организованных форм преступных проявлений, хотя о каком-либо взаимодействии преступников с представителями органов власти в тех условиях говорить сложно. Новый этап функционирования организованных форм криминальной активности справедливо связывают с наступившей в 1950-е годы «оттепелью», когда все более и более заявляют о себе разнообразные формы организованной преступности.

The aim of the study is to define the role of organized crime in Russia over a major period in the 20th century, and analyze transformation that this criminal activity underwent. The article opens with the analysis of the development processes of the organized crime typical for the Soviet society. It is shown that in the Soviet period of history, organized crime, inheriting the previous organizational forms, acquired new features that reflected particular features of the new social and economic structure. The author identifies certain features of organized crime at different stages of the Soviet society. In particular, it is shown that the new economic policy witnessed new forms of organized criminal activity, identical to the Soviet type. It is also noted that this very period registered a certain interaction between individual representatives of the authorities, in particular, control bodies, and so-called new bourgeoisie. Such relations were

supported with certain remuneration which became the factor for specific Soviet corruption to emerge. It is noted that even a fairly tough political and legal regime, which is associated with the Stalinism, did not overcome organized forms of criminal activity, though that period didn't encourage any interaction between criminals and representatives of the authorities. A new stage in the organized crime is associated with the thaw that came in the 1950s, when many forms of organized crime revealed themselves.

Ключевые слова: организованная преступность, советский период, трансформация организованной преступности

Keywords: organized crime, Soviet period of Russian history, transformation of an organized form of criminal activity

Введение

Преступность в разнообразных профессиональных и организованных формах сопровождает человеческое сообщество на всем протяжении его существования. Само понятие «организованная преступность» появилось относительно недавно — специалисты утверждают, что впервые оно было использовано в 1950—1960-х гг. американскими криминологами Д. Л. Хербертом и Х. Триттом [1, с. 501]. Хотя совершенно очевидно, что такой вид криминального действия отчетливо фиксировался и задолго до этого, достаточно длительное время практически во многих странах. Более того, криминологи отмечают, что существуют и глобальные преступные организации, которые действуют едва ли не на протяжении столетий. Среди них итальянская мафия, японские борекудан (якудза), китайские триады, колумбийские наркокартели, американская Коза ностра и другие устойчивые формирования [2, с. 21]. Не была исключением и Россия. Некоторые исследователи считают, например, что так называемые казацкие сообщества-республики XVI—XVII вв. во многих отношениях были не только отечественным аналогом пиратских сообществ Карибского моря того же времени, но и прообразом мафиеподобных организаций XX в. [3, с. 167]. Кроме того, всегда действовали и банды разбойников как наиболее простые формы организованной преступной активности, которые, как правило, грабили пассажиров экипажей на дорогах.

Что касается советской истории России, то практически на всем протяжении этого периода существование организованной преступности отрицалось. Более того, в первые годы после Октябрьской революции 1917 г. господствовал, по сути, коммунистический романтизм, когда постулировалось, что всякая преступная активность должна быстро — едва ли не автоматически — исчезнуть. Утверждалось, например, что «пролетарскому суду приходится иметь дело с преступлениями, почва для которых приготовлена буржуазным обществом, еще не ликвидированным во всех своих пережитках. Пролетарскому суду пришлось получить от старого режима воспитанный этим режимом кадр (так в оригинале. — В. К.) профессиональных преступников. Пролетарский суд абсолютно чужд мести. Он не может мстить людям за то, что они жили

в буржуазном обществе. Поэтому наказания наших народных судов уже теперь отражают полную революцию в правосудии» [4, с. 40]. Да и позднее превалировала точка зрения о преступности как об одном из «родимых пятен капитализма», которое легко исчезнет на пути продвижения к самому справедливому обществу. Н. С. Хрущёв, например, вполне серьезно обещал показать народу последнего вора. Советская пропаганда даже описывала встречу Первого секретаря ЦК с вором-рецидивистом в 1959 г. — беспрецедентный шаг со стороны руководителя государства. По словам Хрущёва, ему пришло письмо от бывшего заключенного, который просил помочь ему встать на путь исправления. Его вызвали в Кремль, где глава партии пообещал ему квартиру и содействие в трудоустройстве. Сейчас невозможно достоверно утверждать, действительно ли эта встреча состоялась или это была пропагандистская фантазия партийного лидера [5]. Но позже, в 1970—1980-е гг., когда из официальной пропаганды быстро пропали лозунги о быстром наступлении коммунизма, власть не стала употреблять идеологемы, пропагандистские штампы о возможности полного искоренения антиправовых действий и перевоспитания всех без исключения правонарушителей.

Своеобразным пиком деятельности организованной преступности в нашей стране стали 1990-е гг., когда из латентного, во многом управляемого состояния этот вид криминальной активности вышел на поверхность, стал действовать открыто — брать под контроль целые секторы экономики, в том числе банковскую систему.

Различные грани организованной формой криминальной активности исследуют специалисты разных отраслей знания, в частности правоведы [6; 7], криминологи [8—11], социологи [12—14], историки [15—17]. Отдельные аспекты анализа организованной преступности в нашей стране предполагается дополнить в данной статье.

Цель и методология исследования

Целью исследования, результаты которого будут представлены в двух частях статьи, является сравнительный анализ функционирования организованной преступности в разные периоды отечественной истории XX в. Кроме этого, планируется показать наряду с ее особенностями своеобразную преемственность крайних форм антисоциальной активности.

В качестве методологии исследования автор избрал институциональный анализ — организованная преступность рассматривается как своеобразный социальный институт с присущими ему элементами — нормативной основой, знаково-символическими слагаемыми, идеологией. Понятно, что все эти элементы, говоря математическим языком, функционируют с обратным знаком, то есть носят отчетливо антисоциальный характер. Этот антисоциальный институт не развивает а, напротив, разрушает социум, его нормативные основы, все отношения и взаимодействия в нем. Основными методами, использованными автором, стали анализ статистических данных и вторичный анализ социологической информации, содержащейся в монографиях и иных публикациях социологов, криминологов, историков, других специалистов, занимающихся проблемами преступности и девиантного поведения.

Становление организованной преступности советского типа в 1920–1930-е годы

Октябрьская революция в России 1917 г., как и любые иные подобные кардинальные трансформации в жизни общества, естественно, затронула и такую специфическую сферу социума, как преступность, включая и ее организованную форму. Прежде всего следует обратить внимание на то, что всплеск антисоциального поведения значительных масс людей вызывают любые социальные катаклизмы. Историки фиксируют, что «несмотря на очевидное ужесточение государственной правоохранительной политики, обеспечившее определенный успех в борьбе с революционным движением и обозначившее вхождение страны в полосу “реакции”, в рамках периода не удалось остановить неуклонного роста уголовной преступности» [15]. Социальный хаос, наступивший уже в ходе Первой мировой войны, стал тотальным в связи с падением монархии в феврале и крушением Временного правительства в октябре 1917 г. Полная разбалансированность правоохранительной системы государства в этих условиях, а порой и разгром этой системы, предопределили обвальный рост криминальной активности, которая охватила все социальные слои и группы. Растущее число беспризорных привело к небывалому росту преступности несовершеннолетних [16, с. 493]. Такой рост вовлеченности детей и подростков в преступную активность обусловил формирование своеобразного резерва преступного мира.

Углублявшийся во время Первой мировой войны экономический и политический кризис привел к появлению особой организованной преступности, которую условно можно назвать элитарной (специалисты также называют ее торгово-финансово-промышленно-чиновничьей). Получая колоссальную прибыль, организованные преступные группы быстро дестабилизировали всю обстановку в стране. Возник емкий черный рынок – прообраз будущего советского, который открыто паразитировал на растущем дефиците большинства товаров и услуг [7, с. 71].

Появление советского типа криминалитета происходит вскоре после Октябрьской революции 1917 г. По многим слагаемым он оставался старым, то есть состоял из тех же «карманников», «щипачей» (воры, действовавшие на улицах, в общественном транспорте), «домушников» (преступники, воровавшие имущество граждан из квартир и домов), «медвежатников» (преступники, вскрывавшие сейфы) и прочих «профессионалов». Действительно, особой разницы ведь не было в том, чтобы обворовывать сейф какого-нибудь банкира или государственного учреждения.

Но уже в самом начале советского периода преступный мир рекрутируется и из новых слоев и социальных групп. Своеобразие становлению специфического советского криминалитета придает новая экономическая политика (нэп), проводимая советской властью с начала 1920-х гг. Новая бюрократия достаточно быстро распознала возможность личного обогащения за счет так называемой общенародной собственности, которая формально принадлежала всему народу, но распоряжались ею советские чиновники (работники «советского аппарата», появляющаяся

номенклатура) [36, с. 171]. Распространенным явлением в это время стала должностная преступность, которая часто в партийных документах вуалировалась под более нейтральным термином «злоупотребление самоснабжением». На самом деле это было не чем иным, как откровенным «казнокрадством». Широко использовались советскими чиновниками государственные средства на ремонт квартир, кабинетов, дач, приобретение предметов роскоши. Приобрели популярность чествования ответственных работников с вручением им дорогих подарков. «Элитная жизнь» номенклатуры требовала значительных материальных затрат. Средства для такой жизни предоставляли им взятки или хищения [18, с. 14]. О масштабе взяточничества свидетельствует тот факт, что только в 1922 г. общее число осужденных за это по 49 губерниям РСФСР составило 3254 человека, что в два раза больше числа осужденных за иные государственные преступления [19, с. 20].

Наряду с номенклатурной преступностью, которая отчетливо продемонстрировала, помимо прочего, своеобразную зависть аппаратчиков, многие из которых прошли испытания Гражданской войной, голодом, лишениями, к тем, кто быстро разбогател, четко фиксируется и противоправная деятельность самих этих новых буржуа.

В период нэпа быстро появились люди зажиточные, торговцы, владельцы мастерских, ателье, ресторанов и т.п. «Новые буржуа» пытались, естественно, наладить специфические контакты с советским чиновничеством и даже внедрить во властные структуры «своих людей». Первоначальное накопление капитала никогда, как известно, не отличавшееся особой нравственной чистотой, в условиях Советской России 1920-х гг. происходило совсем уж хищнически. Это объясняется, в частности, и тем, что новая буржуазия верила, что нэп будет продолжаться относительно долго. Важно было быстро заработать деньги и по возможности исчезнуть из страны, которая всерьез намеревалась построить общество без буржуазии, без хозяев. Забегая вперед, можно с полным основанием утверждать, что подобная тактика временщиков во многом характеризовала и ситуацию 1990-х гг., когда многие «новые русские» также не думали, что их время пришло навсегда.

В 1920-х гг. нэпманы активно применяли криминальные методы обогащения. Массово использовались, например, обман граждан и целых организаций, получение кредитов под никогда не существовавшие предприятия, контрабанда и валютные махинации, спекуляция, прикрываемое взятками расхищение государственного имущества [20, с. 39].

Большое распространение получает создание своеобразных фантомных хозяйствующих субъектов, в частности фиктивных кооперативов, фирм и т.п. Численность таких лжекооперативов с каждым годом росла. На 1 января 1925 г., например, в СССР было зафиксировано около 14 тыс. подобных объединений, или 40 % от общего числа организаций [21, с. 1108].

Таким образом, уже на начальном этапе советского периода происходит отработка взаимодействия, а порой даже сращивания, элементов организованной преступности с представителями аппарата управления. Подобная практика будет активно использоваться и в дальнейшем. Характерно, что данный вид антисоциальной активности присущ не

только России. Кроме того, организованная преступность в 1920-х гг. в советской России проявилась и в создании псевдоэкономических субъектов. Так происходила своеобразная апробация такой негативной практики, получившей развитие в дальнейшем.

Организованная преступность и сталинский режим: возможность сосуществования

Сама постановка вопроса об организованной преступности в условиях становления и функционирования достаточно жесткого режима с его буквально тоталитарным контролем за всеми видами активности людей и их организаций (с конца 1920-х до середины 1950-х гг.), ассоциирующегося с руководством страной И. В. Сталиным и его ближайшим окружением, на первый взгляд представляется надуманной. Всепроникающий контроль над любыми действиями людей, строжайшая дисциплина на производстве и во всех сферах жизни общества, крайнее ограничение любых способов неправового обогащения действительно оставляли преступному миру, казалось бы, незначительные ниши для деятельности. Но, как ни парадоксально, даже в этот период можно зафиксировать организованные формы преступности.

Основной сферой деятельности преступных групп в 1930-е гг. была экономика. Они занимались скупкой драгоценных металлов, серебряных монет, антиквариата для последующих махинаций в системе государственных магазинов «Торгсин», занимавшейся торговлей с иностранцами. Более того, в этот период появились нелегальные «черные биржи» [7, с. 73]. Фиксировались организованные хищения в торговле, в системе снабжения, промысловой кооперации, у так называемых частных (говоря современным языком, у индивидуальных предпринимателей, которые пусть в незначительном количестве, но сохранялись и в то время). Для сбыта подпольно произведенной продукции использовались комиссионные магазины [Там же].

Как отмечают С. В. Богданов и А. Л. Репецкая, «государство, в свою очередь, реагировало на увеличение корыстных преступлений во всех отраслях народного хозяйства ужесточением уголовной репрессии» [7, с. 73]. Исследователи приводят статистические сведения: только в 1935 году за различные виды хищений в системах государственной и кооперативной торговли СССР обвинительные приговоры были вынесены 96 233 должностным лицам (в том числе 81 080 чел., или 84 %, были осуждены за растрату и присвоение вверенного им имущества); в 1936 г. — 73 873 чел. (по тем же статьям — 69 347 чел., или 93,7 %), в 1937 г. — 62 848 чел. (по тем же статьям — 61 204 чел., или 98,7 %) [Там же].

Отсюда понятно, почему требовался поистине тотальный, всепроникающий, постоянный контроль над всеми работниками. Что, естественно, при всей жесткости режима было все же недостижимо, тем более что необходимо было контролировать и самих контролеров [22]. Но обезличенная, официально называемая «общенародной», собственность от имени государства управлялась работниками аппарата управления, то есть чиновниками. Получалось, что непринадлежность собственности никому конкретно естественно порождала своеобразное своеволие, безот-

ветственность, готовность жертвовать многомиллионными издержками производства во имя не всегда рациональных действий, что диктовалось партийным сверхаппаратом [36, с. 160]. Кроме этого, управление такими огромными ресурсами, которые опять-таки не принадлежали никому конкретно, вызывало соблазн прикосновения к собственности, результатам деятельности производственных коллективов. И этот соблазн делался все сильнее, хотя мы и не отрицаем фактов честного, бескорыстного служения многих управленцев своему делу, обществу [36, с. 161].

Но все же основной формой организованной преступной деятельности вплоть до конца 1930-х гг. в России был политический бандитизм, представленный бандами так называемых контрреволюционеров — таких, например, как Петроградская вооруженная организация [23]. Действующая власть всегда стремилась к их полному подавлению, иногда весьма жестокими методами. В 1930-е гг. чрезвычайно жесткими репрессивными мерами была подавлена активность по существу всех организованных преступных формирований политического характера. Сворачивание новой экономической политики к этому времени привело к фактическому исчезновению и экономических преступников, которые были приравнены к государственным и также подверглись репрессиям.

К этому времени сформировался новый криминальный мир, в котором основной спланирующей силой стала тенденция неполитического противодействия и неподчинения власти, а его своеобразную элиту сформировали так называемые воры в законе. Они называли себя хранителями криминальных традиций дореволюционной России [24].

Эти представители криминального мира исповедовали «воровской закон» — свод неписаных правил и норм, обязательных к исполнению. Среди них правил были такие: вор в законе отказывается от сотрудничества с любыми властными структурами; никогда не дает показания в ходе следствия и судебного заседания; никогда не признает вину; не имеет собственности и сбережений; не имеет семьи; периодически попадает в места лишения свободы; не берет в руки оружие; не работает ни при каких условиях [25].

После Великой Отечественной войны организованные преступные группы носили не только уголовный, но и политический, в частности, националистический характер. Только в 1945 г. на Западной Украине было ликвидировано 890 вооруженных групп, при этом убито 44 тысячи и арестовано свыше 17 тыс. участников этих формирований, в Западной Белоруссии ликвидировано 256 групп, убито 1335 участников и арестовано 2701 человек [26].

Бандформирования не только терроризировали население и уничтожали работников партийного и советского аппарата, но и занимались открытым грабежом, в том числе государственной и колхозной собственности, жесточайшим насилием.

В конце 1940-х — начале 1950-х гг. отмечалась устойчивая тенденция воспроизводства организованных преступных групп, действовавших в экономической сфере. Причем на смену одним группам, деятельность которых была прекращена правоохранительными органами, вскоре приходили другие. Показателен здесь пример, демонстрирующий динамику воспроизводства организованных преступных групп в Ленинграде,

где только в первом полугодии 1949 г. сотрудниками милиции (представлявшими так называемые отделы борьбы с хищениями социалистической собственности — ОБХСС) было выявлено 346 преступных групп, действовавших в сфере экономики города и области. К уголовной ответственности по данным делам было привлечено 979 человек. А в 1953 г. в г. Ленинграде и Ленинградской области была пресечена деятельность еще 136 организованных преступных группировок в экономике, к ответственности было привлечено 362 участника этих организованных преступных групп [7, с. 76]. Таким образом, несмотря на значительное снижение количества выявляемых групп, их число на протяжении рассматриваемого времени оставалось значительным.

Еще одним распространенным видом нелегального бизнеса того времени были операции по купле-продаже иностранной валюты, золотых монет царской чеканки, золотых изделий, золота с приисков, драгоценностей — ведь это был единственный путь «отмывания» преступных доходов в советском государстве. Так, в Московской области в течение лишь полутора месяцев в начале 1947 г. было раскрыто четыре организованные группы валютчиков. Перечень изъятых материальных ценностей поражает воображение: советских денежных знаков в сумме 304 тыс. руб., сберегательных книжек с вкладами на предъявителя на 105 тыс. руб., облигаций государственных займов на 294 тыс. руб., американской валюты — на 5022 руб., английских фунтов стерлингов — на 120 руб., золотых монет царской чеканки на 16 335 руб., золотых изделий и бриллиантов на 74 тыс. руб. Общий вес изъятых золотых монет и украшений составил 14,77 кг [27, с. 472]. Чтобы оценить, много это или мало с точки зрения доходов граждан страны, можно отметить, что средняя зарплата по народному хозяйству в СССР в 1945 г. была 442 руб., а в 1950-ом — 646 руб. [28].

Примечательно, что выявленные крупные организованные преступные группы, действовавшие в экономической сфере СССР в 1945—1953 гг., зачастую имели «прикрытие» в лице представителей контролирующих, проверяющих органов и организаций, а в отдельных случаях — и сотрудников правоохранительных органов. Взяточничество и взаимодействие с преступными элементами (как правило, верхушкой преступного мира — «хищниками») получили распространение и в самих правоохранительных органах. Так, например, в 1949 г. большой резонанс вызвало уголовное дело трех начальников ОБХСС Ленинградской городской милиции, которые тесно взаимодействовали с преступными группами, орудовавшими в хозяйственной сфере [7, с. 76]. Таким образом, во второй половине 1940-х — начале 1950-х гг. продолжилось формирование организованной преступности в экономике страны.

На рубеже 1940—1950-х гг. стали все в большей мере проявляться тенденции укрепления «теневой» экономики, дальнейшего приспособления крупных нелегальных дельцов, отдельных коррумпированных руководителей торгово-снабженческой, заготовительной сети к реалиям советской действительности, в том числе и к репрессивной линии государства к любым экономическим преступлениям.

Как нетрудно заметить, даже в условиях достаточно жесткого, тоталитарного режима организованная преступность в СССР действовала

пусть и не так успешно, как в последующие годы, но все же обходя многие преграды, вовлекая в свои сообщества и в этот период чиновников, сотрудников правоохранительных структур.

«Оттепель»: цеховики и их сращивание с преступным сообществом

С середины 1950-х до середины 1960-х гг. начинается новый период функционирования организованной преступности в СССР, соответственно и новый этап политики государства по ее преодолению. Это время, получившее в историографии название «оттепели», было достаточно противоречивым.

С одной стороны, явно можно зафиксировать либерализацию социальных порядков, предоставление людям большей свободы, что применительно к обществу означало смягчение или даже прекращение массовых репрессий, преодоление обстановки страха, подозрительности, всеобщего контроля.

С другой — можно вспомнить, что в 1962 г. в Новочеркасске была расстреляна мирная демонстрация рабочих. Погибло (даже по официальным данным) не менее двадцати человек, многие десятки были ранены. Стреляли в них только потому, что людей возмутил резкий рост цен на основные продукты питания. И это происходило тогда, когда официальная власть продолжала навязчивую и шумную пропагандистскую кампанию о «быстром и неуклонном» продвижении к коммунизму [29]. Давлению подвергалась отечественная интеллигенция. Так, в начале 1960-х гг. была разгромлена выставка художников, чье творчество не вписывалось в официальные рамки социалистического реализма; преследованиям подвергался Б.Л. Пастернак, которого принудили отказаться от Нобелевской премии по литературе. Да и репрессии, пусть и не столь массовые, как в предшествующий период, продолжались. В 1961 г., например, были приговорены к расстрелу трое молодых москвичей только за то, что они покупали доллары. При этом Н. С. Хрущёв сам настоял на временном изменении закона, так как к тому времени за валютные операции уже нельзя было приговаривать к высшей мере. Для показательного процесса не пожалели одно из зданий в центре Москвы. Все снималось хроникерами, а затем по всему Советскому Союзу в кинотеатрах показывали документальный фильм об этом судебном процессе. Вскоре советским людям сказали, что смертный приговор в отношении трех парней был приведен в исполнение [30].

Следует согласиться с точкой зрения исследователей, включая иностранных экспертов и наблюдателей, что политика по преодолению организованных форм преступности в СССР не отличалась последовательностью, рационализмом, логикой [31]. В конечном счете это приводило к тому, что именно в указанный период внутри организованных преступных групп произошли очень важные трансформации, связанные, в частности, с тем, что группы уголовной преступности начали взаимодействовать с группами экономической преступности — с так называемыми цеховиками.

Цеховики были уникальным явлением советского времени, причем явлением неоднозначным. К ним принадлежали как подпольные производители, дельцы-махинаторы, так и просто люди с предпринимательскими способностями, не желавшие в обществе официального равенства жить на одну зарплату и научившиеся извлекать прибыль из незаконной, по меркам того времени, деятельности. Цеховики — это материально ответственные люди (начальники цехов предприятий, ответственные за снабжение и сбыт произведенной продукции), которые объединялись в своего рода кооперации, имели разветвленную систему связей, в том числе коррумпированных. Они создавали свое криминальное окружение, централизованно вырабатывали контрмеры, обеспечивающие их безопасность [32].

Само появление цеховиков было связано со спецификой экономической политики советского государства. Политика эта была такой, что потребитель со всеми своими запросами выпадал из поля зрения государства. Ключевым словом, характеризующим экономическую ситуацию советского времени, был термин *дефицит*, означавший вечную нехватку каких-либо потребительских товаров или услуг. Кроме того, государство никогда не заботилось о том, чтобы человек не только мог купить какую-либо вещь, но и чтобы эта вещь была модной, отражала общую тенденцию развития мирового сообщества. При этом официальная пропаганда на самом высоком уровне без конца декларировала, повторяла программные заявления власти, что «партия и правительство делают все для человека, во имя человека» [33].

Таким образом, цеховики по-своему пытались восполнить этот явный пробел в экономической деятельности советского государства, обеспечить человека тем, что ему нравится, чего ему не хватает. Подпольный характер деятельности цеховиков заключался в том, что официально было невозможно ни организовать предприятие, ни продавать произведенную продукцию. Поэтому цеховики нашли своеобразный выход — официальной государственной структурой (завод, фабрика, комбинат бытового обслуживания) производилась подпольная продукция и такой же неофициальной теневой структурой эта продукция продавалась. Или наоборот — продукция производилась теневой структурой, но сбывалась через государственные торговые организации. Вариант, при котором вся эта деятельность оказывалась нелегальной, был менее распространен, так как его было сложнее осуществить на практике и он слишком легко выявлялся органами милиции. Обычно сырье и материалы для подпольного производства приобрести легально было невозможно.

Поэтому для решения этой проблемы были задействованы государственные производственные предприятия — как правило, предприятия местной промышленности (небольшие мастерские), которые служили основной сырьевой и производственной базой цеховиков. Путем завышения потребности в сырьевых материалах, приписок, экономии материалов, составления актов о списании и уничтожении под надуманным предлогом фактически пригодных материалов и сырья и другими способами из государственной собственности изымались излишки, которые затем использовались в производстве неучтенной продукции.

Дополнительную продукцию зачастую изготавливали рабочие того же предприятия. В большинстве случаев они не подозревали, что их труд используется цеховиками в корыстных целях. Произведенная продукция тайно вывозилась для ее последующего складирования и реализации на черном рынке или через государственную оптово-розничную торговую сеть [34].

Понятно, что теневые предприниматели не афишировали свою деятельность, но о ней чаще всего было хорошо известно представителям уголовной преступности, которые и стали требовать определенную плату и за свое молчание, и за «охранные» услуги. Так происходил симбиоз уголовной преступности и преступности экономической. «Цеховое» предпринимательство получило значительное распространение в южных регионах Советского Союза, особенно в Средней Азии и Закавказье, Казахстане, Краснодарском крае, ряде областей Украины и Белоруссии. Оно также было зафиксировано в Москве и Московской области, Ленинграде, других крупных городах [34]. На этой основе возникали пусть и в крайне невыгодных для себя условиях, мощные преступные образования, которые заложили основы того, что затем достаточно успешно развивалось в 1990-е гг. и позже, уже в XXI в.

«Оттепель» показала, на что на самом деле была способна государственная власть: после некоторого социального потепления вновь наступило похолодание, советское государство посчитало необходимым в очередной раз резко усилить репрессии. После того как в 1961 г. в СССР была восстановлена смертная казнь за хищения государственного имущества в особо крупных размерах, а также за спекуляцию валютными ценностями или ценными бумагами и другие (с точки зрения советской власти) преступления, не менее 8 тыс. чел. в 1962—1991 гг. было расстреляно только за нелегальную предпринимательскую деятельность [34].

Резко увеличивается число преступлений, которые совершались работниками партийного и государственного аппарата управления. Оказалось, что отсутствие страха перед режимом вроде сталинского едва ли не полностью сняло барьеры недозволенного поведения, действия. Количество только должностных хищений в 1964 г. в сравнении с 1956 г. увеличилось на 62 %. При этом рекордными по количеству выявленных фактов должностных хищений оказались 1961, 1962 и 1963 гг. Именно в этот период была сделана попытка развернуть мощную государственную кампанию борьбы с должностными преступлениями — взяточничеством, растратами, хищениями. Однако, как видим, эти меры давали незначительный эффект [35].

Условия противостояния организованной преступности в период правления Н. С. Хрущёва осложнялись еще и тем, что официально существование некоторых социальных явлений, в частности некоторых видов преступности, не признавалось. Например, в этот период считалось, что в Советском Союзе нет и не может быть криминальной активности в организованной форме, нет наркомании, проституции. Поэтому сотрудники правоохранительных структур были вынуждены изопрятаться, чтобы реально бороться со всеми этими явлениями, но в то же время не говорить об их наличии — идеологически небезопасные заявления могли помешать карьере работника.

Заключение

В статье показаны основные черты организованной преступности и политики государства по отношению к ней в советский период российской истории. Рассмотрены основные черты организованной формы криминальной активности в 1920-е гг. Показано, что даже тоталитарный сталинский режим в СССР не смог преодолеть организованную преступность. Рассмотрено и зарождение своеобразной «красной мафии» в период «оттепели», когда у власти находился Н. С. Хрущёв.

Список источников и литературы

1. *Криминология* : учебник для вузов / под общ. ред. А. И. Долговой. М., 2007.
2. Долгова А. И., Евланова О. А. Методика анализа организованной преступности. М., 2005.
3. Гордеев А. А. История казаков. М., 1991.
4. Бухарин Н., Преображенский Е. Азбука коммунизма. М., 1994.
5. Антошок Е. Хрущёв против блатных. Как война с ворами в законе изменила блатной мир. URL:// <https://life.ru/p/1342359> (дата обращения: 11.11.2021).
6. Герцензон А. А. Борьба с преступностью в РСФСР. М., 1928.
7. Богданов С. В., Репецкая А. Л. Организованная преступность в экономической сфере СССР в 1930–1950-е годы: особенности воспроизводства, масштабы, формы проявления // *Всероссийский криминологический журнал*. 2011. № 4. С. 70–79.
8. *Организованная преступность* / под ред. А. И. Долговой. М., 1998.
9. Малько А. В., Затонский В. А., Красюков А. В., Кроткова Н. В. Противодействие коррупции в современной российской правовой жизни (Обзор материалов «круглого стола» журналов «Государство и право» и «Правовая культура») // *Государство и право*. 2021. № 3. С. 147–159.
10. Маметьев И. В. Особенности теневой экономики в СССР эпохи «застоя» // *Вестник Астраханского государственного технического университета*. 2020. № 1. С. 65–70.
11. Белоцерковский С. Д. Криминологические основы правового регулирования борьбы с организованной преступностью : дис. ... д-ра юр. наук. М., 2018.
12. Гилинский Я. И. Организованная преступность: понятие, история, деятельность, тенденции // *Проблемы изучения и противодействия организованной преступности* : сб. ст. СПб., 2015. С. 25–31.
13. Номоконов В. А. Особенности детерминации организованных проявлений преступности // *Борьба с организованными проявлениями преступности и обеспечение национальной безопасности*. М., 2019. С. 80–85.
14. Прасолов В. И. Теневая экономика в эпоху застоя // *Новая наука: теоретический и практический взгляд*. 2016. № 3. С. 151–155.
15. Бушужева С. А. Борьба с уголовной преступностью в России (1907–1914 гг.) : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2009.
16. Шевнина Л. В. Влияние Первой мировой войны на рост детской преступности в Российской империи в начале XX в. // *Война и повседневная жизнь населения России XVII–XX вв. (К столетию начала Первой мировой войны)* : матер. междунар. науч. конф. СПб., 2014. С. 492–496.

17. *Богданов С. В., Остаток В. Г.* Послевоенное советское общество: власть, население, экономическая преступность // Научные ведомости Белгородского университета. Сер.: История. Политология. 2017. № 8. Вып. 42. С. 147 – 156.
18. *Никулин В. В.* Партийно-государственная номенклатура и закон в советской России: двойная ответственность или особые правовые условия (1920-е годы) // Genesis: исторические исследования. 2013. № 3. С. 1 – 43.
19. *Касьянов В. С.* Коррупция и борьба с ней в Советской России // Государственное муниципальное управление: ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 16 – 25.
20. *Демчик Е. В.* «Новые русские», годы 20-е // Родина. 2000. № 5. С. 38 – 42.
21. *Шанина А. В.* «Лже»-кооперация и «дикая» кооперация в условиях новой экономической политики (по материалам Пензенской губернии) // Известия Пензенского государственного педагогического университета имени В. Г. Белинского. Гуманитарные науки. 2012. № 27. С. 1106 – 1109.
22. *Ясницкий А., Завершнева Е.* Об архетипе советской психологии как научной дисциплины и социальной практики. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/100/ai26.html> (дата обращения: 12.11.2021).
23. *Rawlinson P.* A Russian Tale of Crime, Economy and Modernity. URL: <http://theconversation.com/profiles/paddy-rawlinson> (дата обращения: 17.11.2021).
24. *Schwartz M.* Vory v Zakone has hallowed place in Russian criminal lore // New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/2008/07/29> (дата обращения: 01.12.2021).
25. *Воровские* понятия и законы. URL: <http://www.mzk1.ru/2012/05/vorovskie-ponyatiya-i-zakony/> (дата обращения: 01.12.2021).
26. *НКВД-МВД СССР* в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939 – 1956). URL: <http://www.e-reading.club/bookreader.php/148464> (дата обращения: 04.12.2021).
27. *Москва* послевоенная. 1945 – 1947. Архивные документы и материалы. М., 2000.
28. *Советская жизнь*. 1945 – 1953 гг. : сб. док. М., 2003.
29. *Кречетников А.* Бойня в Новочеркасске: «Но был один, который не стрелял». URL: http://www.bbc.com/russian/russia/2012/05/120525_novocherkassk_massacre (дата обращения: 21.12.2021).
30. *Федосеев С.* Обратная сила закона. Ради трех валочников Хрущев изменил Уголовный кодекс. URL: http://www.fsb.ru/fsb/history/author/single.htm%21id%3D10318003%40fsbPublication%26_print%3Dtrue.html (дата обращения: 21.12.2021).
31. *Robinson J.* The Merger. The Conglomeration of International Organized Crime. Woodstock, 2000.
32. *Anderson A.* A Red Mafia: A Legacy of Communism, Economic Transition in Eastern Europe and Russia: Realities of Reform. Stanford, 1995.
33. *Введение* к Программе Коммунистической партии Советского Союза, принятой XXII съездом КПСС в октябре 1961 г. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/dic_wingwords/505/ (дата обращения: 23.12.2021).
34. *Гуров А. И.* Красная мафия. URL: <http://www.biblio-globus.us/> (дата обращения: 23.12.2021).

35. Богданов С. В. Попытки Хрущева бороться с экономической преступностью. URL: <http://www.vestarchive.ru/issledovaniia/1964-popytki-ns-hrysheva-aktivizirovat-borby-s-ekonomicheskoi-prestypnostu-v-sssr.html> (дата обращения: 25.12.2021).

36. *Аномия* современного общества: проблемы теоретического анализа и эмпирического измерения / под общ. ред. В. В. Кривошеева. Калининград, 2008.

Об авторе

Владимир Вениаминович Кривошеев — д-р социол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, Россия.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru

99

The author

Prof. Vladimir V. Krivosheev, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, Russia.

E-mail: VKrivosheev@kantiana.ru